

Судьба

Автор воспоминаний, которые публикуются сокращениями, родилась в Черновцах на Буковине в 1914 году. Училась в Берлине, затем в Париже. Окончив в 1939-м факультет естественных наук в Сорбонне, вернулась домой и стала работать врачом-лаборантом. Летом сорокового Буковина, входившая до того в состав Румынии, была присоединена к СССР. А ровно через год, ночью 13 июня 1941-го, в родительский дом Геллы Илпен ворвались солдаты. «Нам дали 20 минут на сборы и разрешили взять с собой сто килограммов вещей». Без всяких объяснений семью посадили на грузовик и вместе с другими такими же несчастными горожанами увезли на станцию, где втолкнули в вагон для скота. Гелле удалось прихватить с собой микроскоп, позже он спас ее от голодной смерти.

Состав из 44 вагонов пересек полстраны (в пути узнали о нападении Гитлера) и доставил высланных на станцию Мошково Новосибирской области.

ТВ 8.08.1994

ям в США. Стали приходить посылки: немного жиров, чай и вещи, которых можно было обменять на картошку. Без этой помощи мы бы не выжили.

На всех фронтах шла жесточенная война, а мы воевали с голодом и холодом. Но все это было еще ничего по сравнению с тем несчастьем, которое обрушилось на нас в начале 1944 года. Шестого января был арестован мой отец. К делу отца и двух других приложил руку один из наших же ссыльных. А вскоре отец, не выдержав угроз и побоев, подписал протокол с выдвинутым против него абсурдным обвинением.

В Пурине было только КПЗ (камера предварительного заключения), поэтому вскоре моего отца вместе с другими арестованными отправили по этапу в Колпашево, где находилась тюрьма. Им пришлось пешком прошагать по апрельскому бездорожью около 300 километров. Свое семидесятилетие отец встретил на этапе...

В июле его вместе с другими арестованными по тому же делу привели (опять по этапу) обратно в село, так как суд должен был состояться «на месте преступления». Приговор суда гласил: 10 лет лагеря по статье 58 п. 10. Мое отца отправили сначала в Асиновский лагерь, в котором нам удалось с ним повидаться. Это была наша последняя встреча. Он успел рассказать нам обо всем, что происходило на следствии и в суде. Затем его перевели в лагерь на станции Жарык (в Казахстане), где он

нами.

В Колпашеве мы получили квартиру. Муж устроился в поликлинику в отделение малой хирургии, а я сначала попала на мальричную станцию. Заведующая станцией сразу начала преследовать меня. К счастью, при местной поликлинике открылась лаборатория, в которую меня по распоряжению заведующего горздрава (с благодарностью вспоминаю об этом справедливом человеке) назначили заведующей. До сих пор тепло вспоминаю также об Игоре Леонидовиче Степанове, замечательном человеке и хирурге.

В первые послевоенные годы заметно усилились националистические настроения и, конечно, подняли голову антисемитизм. Вдруг перестали признавать наши иностранные дипломы. Мужу пришлось уехать в Томск, где он устроился на работу и одновременно готовился к сдаче госэкзаменов. Я же была вынуждена уволиться с работы. Только потом мы узнали, что никто не отменил признание дипломов специалистов из так называемых присоединенных областей.

И все же тогда нам пришлось съехать с казенной квартиры. За небольшую сумму мы приобрели квартиру в бараке Колпашевторга. Этот барак, состоящий из 13 небольших квартир, находился в непосредственной близости от Оби. Во время весеннего половодья здесь ежегодно уходило под воду несколько метров берега. А теперь и на месте нашего барака уже давно плещутся речные волны.

На новом месте мы с мужем завели традицию хозяйства: посадили огород, завели кур, коз, поросенка. Через некоторое время мужу взяли на работу на Колпашевскую пристань, где он исполнял обязанности санитарного врача. Родственники и друзья с Запада помогали посылками. Овощами мы обеспечивали себя сами.

Еще во время учебы в Томске у мужа обнаружили злокачественную опухоль, и в 1957-м он умер.

Оставшись одна, я сначала устроилась в туберкулезный санаторий для взрослых, находившийся в Дачном городке под Томском, где работала у главврача И.Ф.Ивановой, которая признала мой диплом и дала мне квартиру. В 1959 году перешла на работу в областной костно-туберкулезный санаторий, где главврачом был К.Ф.Благовещенский, один из самых замечательных людей, которых я когда-либо встречала в своей жизни. Он дал мне возможность восстановить мои навострившиеся знания по бактериологии на Томской санитарно-эпидемиологической станции. Там я встретила еще одного чудного человека, Елену Арутюнову Вульфсон. После того как в лаборатории моими усилиями была налажена работа бактериологического и биохимического отделений, Благовещенский направил меня в Ленинград, где в Институте хирургии туберкулеза я получила возможность освоить новую для меня область: бактериологию туберкулеза. По возвращении в Томск я создала лабораторию туберкулеза в том же санатории и начала заниматься научной разработкой темы по обнаружению туберкулезной пачки при костном туберкулезе. Тогдашний замминистра здравоохранения РСФСР Сырежев, побывав в моей лаборатории, подписал направление в Новосибирский институт туберкулеза, где меня включили в план научной работы. И вот с помощью моих руководителей (в Ленинграде - руководитель лаборатории ЛИХТа В.А.Соловьев, в Новосибирске - доктор В.Б.Кальниц) я успешно защитила диссертацию при Новосибирском медуниверситете и получила звание кандидата биологических наук.

В 1970 году мы с матерью поехали в Москву: хлопотать о реабилитации, которую вскоре и получили, но это мало что изменило в нашем положении. Ездил мы и на родину, в Черновцы, но там местные власти отказали нам в квартире. Вернувшись в Томск, я продолжала работать в Дачном городке, где К.Ф.Благовещенский предоставил нам с мамой благоустроенную 2-комнатную квартиру.

В июне 1972 года мы с мамой по приглашению родственников поехали в Румынию. Мама к тому времени уже страдала раком яичников. В Румынии ее состояние ухудшилось и после длительного пребывания в больнице, где она постоянно находилась при ней, она умерла.

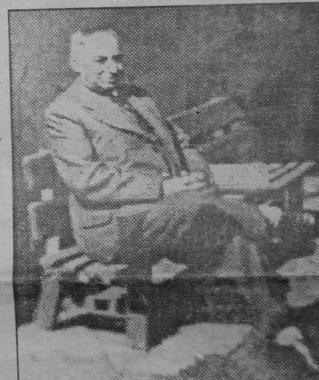
После смерти мамы я решила не возвращаться домой, а поехала в Германию, где мне довольно быстро удалось устроиться на работу по специальности в Берлинском университете. Несмотря на материальную обеспеченность, меня долгое время мучила совесть: ведь я бросила работу и друзей. Однако то обстоятельство, что я покинула Советский Союз, меня не беспокоило.

За 31 год жизни в Сибири мы, «томичи по несчастью», как называли нас, сегодня, многому научились, что и помогло нам выжить в те тяжелые времена. Мы побывали в разных странах мира, в различных городах, богатые природой, тихими лесами, на краю света. И все же я никогда не забывала о том, что нас привезли сюда насилием и что здесь мы на всегда расселились с отцом, погибшим в лагере.

Гелла ИЛПЕН,

Берлин.

На снимках: Гелла Илпен с мамой Ирмой Марковной. 1963 год; отец Вильгельм Израилевич Илпен около своего дома, тридцатые годы.

нас заставили подписать заявление о том, что мы «по доброй воле» согласны прожить в Сибири 20 лет. Добирались мы сюда почти два месяца.

В деревне мы за 30 рублей сняли квартиру у колхозников. Это были крестьяне из России или Украины, которых после раскулачивания привезли сюда 13 лет назад. Людей привозили нередко зимой, оставляли в тайге под открытым небом. И приходилось самим на скрупульную сооружать себе жилища. Нам было легче: у нас была крыша над головой.

Нас сразу же послали на уборку хлеба.

Вязать сноубы - дело как будто пустяковое, но же спустя некоторое время начала ныть слизь, кровоточили руки. А норму - вязь да подох, иначе не выдавали хлебный паек.

Наши городские жители имели неплохие специальности, но это никого не интересовало. В том-то и была беда этой системы, что она не использовала людские резервы на производстве себя людьми. На прибывающем вскоре пароходе уже находились пассажиры, выходцы из бaltийских стран, которых наша охрана называла не иначе как «врагами и проститутками». Такого же мнения солдаты добрались и были.

Пароход бежало Оби, и мы не уставали ловиться красотами этого широкого разливающегося в ту весну реки. Но прибытии в местечко Парабель нас пересадили в трюм грузовой баржи, где можно было только сидеть, тесно прижавшись друг к другу. На остановках нас высыпало на берег, чтобы раздобыть еду, хотя ее не было и у самих крестьян. Заходя в крестьянские избы, мы с удивлением обнаруживали, что в деревнях совсем не было мужиков. На вопрос, где холода, в одном месте ответили: «взят как враг народа», в другом - «взят как трактрист». Видимо, там крестьяне, никогда не слышавшие о Троцком, поняли слово «трактрист». И еще подумалось: если уж со своим народом так обошлись, то чего же было ожидать нам, чужестранцам, не владеющим даже русским языком?

На маленькой речушке Чузик нас пересадили в лодку, которой с помощью шеста управлял один из местных крестьян. Вечером мы остановились. Нас высадили посередине настоящей сибирской тайги, и здесь мы сразу познакомились с комарами. Разожгли костер, но столе отошли от огня, как комары буквально начали «пожирать» человека. По дороге у одной из похожих женщин в нашей группе начался понос, и она вскоре умерла. Высадившись на берег, мы высыпали могилу и проводили ее в последний путь. Один из крестьян, показывая на лес вокруг, сказал: «Наверно, думаете, что это лес - нет, это кладбище. Когда 13 лет назад нас, раскулаченных, вели сюда, многие не выдерживали и умирали в дороге. Здесь их и хоронили».

Через 3 дней плавания по реке Чузик нас высадили в районном центре селе Пурине. Тут же на берегу, под открытым небом, мы прошли медицинский осмотр. Проводило его местная фельдшерица, милиционерша существо (фамилии не помню). Она лечила мамины фурункулы, образовавшиеся от укусов комаров, и отсутствие какой-либо гигиены в пути. Затем нас распределили по колхозам района. Нас посыпало не с прописью в селе Шербино. Тройкой оказался неважным, но все-таки хватило на ползмы. Очень трудно было без своих друзей. Мы жили теперь в избенках на холмех одни, и приходилось толстить самим. Это было уже в седьмом поселке Останино.

Нам удалось сообщить свой адрес друзьям

проверил оставшиеся годы жизни. В лагере он слепел от катаракты, людей узнавал только по голосу. Конечно, никакого лечения не было. Нам удалось послать ему несколько посылок. Поскольку вести переписку заключенным разрешалось только на русском языке, откуда, чтобы ответить на наши письма, приходилось привлекать к помощи других людей. Так он познакомился с заключенными, которые стали его друзьями. Они рассказывали нам в письмах, как мужественно переносили он все тяготы лагерного существования. До конца срока осталось три месяца, но все наши заявления с просьбой о помиловании оставались без ответа.

Моего отца постигла участь миллиардов других, ни в чём не повинных людей, погибших в результате преступной деятельности органов безопасности.

Только после войны мы с мужем смогли покинуть Пурину. Мой муж, врач по профессии, тоже был сысыным из нашего города. Поженились мы в 46-м году. Всю войну муж прожил в Пурине, страшно голодая, потому что не мог устроиться на работу. Заврайздрав отдал приоритетному отцу отказывалась предложить работу «ессыльному». Сразу после войны ему предложили работу в Шегарке, но пришло отказаться, так как в селе было очень плохо с жильем и мы не могли снять даже комнату. Тогда-то мы и переехали в Томск, где с помощью профессора Клеймана нам удалось устроиться на кафедре ортопедической стоматологии Томского медицинского института.

Институт находился в ведении Министерства высшего образования, и таким образом мы вышли из-под власти огизздрава, конечно, с разрешением МГБ. Но это взвешение длилось недолго. У мужа, ехавшего однажды в переполненном автобусе, вывалился документ, среди которых находился и разрешение на проживание в Томске. Обратились в милицию, разговаривали с нами сам начальник, который сразу же заявил, что никакого разрешения у нас быть не могло и что мы немедленно должны выехать в Колпашево. «Чтобы завтра же не забыть», что вы «преступники», -кричали.

Пришел нас снова иди в облздрав, который не принял нас на работу в Колпашево. Возможно было отделаться от мысли, что кража документов была подстроена орга-